

В. И. Гуляев

МОТИВ МЕДВЕДЯ В СКИФСКОМ ЗВЕРИНОМ СТИЛЕ

Статья посвящена рассмотрению мотива медведя в скифском искусстве звериного стиля.

Ключевые слова: юг Восточной Европы, звериный стиль, скифское время.

Скифская культура Северного Причерноморья и, особенно, оригинальное скифское искусство («звериный стиль») всегда находились в центре внимания археологической науки. Достаточно напомнить, что в декабре 1972 г. в Москве состоялась Всесоюзная конференция по скифо-сарматской археологии, посвященная только одной важной теме — скифо-сибирскому звериному стилю, где главным докладом «Современное состояние проблемы скифского звериного стиля» выступила В.А. Ильинская [Ильинская, 1976, с. 9—29]. С тех пор прошло почти полвека и, конечно, многое изменилось. Было осуществлено значительное количество исследований по различным аспектам скифского искусства. Вышли и отдельные монографические труды по интересующей нас проблеме [Переводчикова, 1994; Королькова, 2006; Черемисин, 2008 и др.]. И, наконец, в 2015 г. была успешно защищена докторская диссертация А.Р. Канторовича под названием «Скифский звериный стиль Восточной Европы: классификация, типология, хронология, эволюция» [Канторович, 2015].

Тем не менее, тема скифского искусства сложна и многообразна, и далека еще от полного ее понимания. Один из образов этого искусства и послужил поводом для написания данной статьи. Речь идет о весьма редко упоминаемом в исследованиях по скифскому звериному стилю

сюжете — мотиве медведя на территории Степной и Лесостепной Скифии¹.

Еще с середины прошлого века среди специалистов — скифологов сложилось глубокое убеждение в том, что мотив медведя вообще не имеет к скифам никакого отношения. Редкие изображения этого грозного зверя встречается в захоронениях скифской эпохи Днепро-Донской лесостепи, либо игнорировались, либо безоговорочно объяснялись влиянием ананьинской культуры Прикамья и прочих культур лесной полосы Урала и Сибири. Даже такой выдающийся ученый — скифолог, как В.А. Ильинская отвергнув главную идею Г.И. Боровки о том, что все образцы скифского искусства берут свое начало от северных лесных племен Евразии, признала ананьинское происхождение очень редкого в творчестве скифских мастеров мотива медведя. «Гипотеза происхождения древней основы скифского звериного стиля от искусства народов лесной полосы полностью не подтвердилась. Однако едва ли можно сомневаться в том, что именно из этого круга ведет свое происхождение изображения медведя... в ананьинской культуре Прикамья, получившие затем распространение на Среднем Дону и в савромато-скифском мире ...» [Ильинская, 1976, с. 14].

И эта точка зрения до сих пор остается господствующей. У отечественных археологов, занимающихся проблемами скифо-сибирского

1. Под термином «Скифия» я понимаю (вслед за М.И. Ростовцевым, А.И. Тереножкиным, С.А. Скормым и др.) единое военно-политическое объединение разных племен и народов, в котором господствовали ираноязычные кочевники — скифы, и которое в VII—IV вв. до н. э. занимало обширную территорию степи и лесостепи между Доном и Дунаем.

искусства прочно утвердилось мнение о происхождении мотива медведя — без указания его характерных черт и особенностей, материалов, в которых он воплощался, количества и, главное, без точной хронологии — из северных лесных регионов, в целом, и из ананьинской культуры Прикамья, в частности. Именно оттуда, «из глубины дремучих лесов», получили «своих медведей» ираноязычные кочевники — савроматы и «скифоидные» племена Днепро-Донской лесостепи.

Каковы же причины подобных взглядов?

Здесь сыграли свою роль три важных обстоятельства. Во-первых, всеобщее убеждение (людей XX и XXI вв.) в том, что медведи — эти сильные и опасные хищники — обитали и обитают главным образом в тайге, в глухих лесных массивах, каковых и по сей день хватает на Севере Урала и Сибири. Во-вторых, широко известный из работ этнографов особый культ почитания медведя («Медвежий праздник») у коренных народностей именно северных лесных территорий нашей страны. И, наконец, в-третьих, почти полное (до недавнего времени) отсутствие информации по затронутой теме в археологических комплексах Скифии.

Начну со среды обитания этих грозных хищников в прошлом и настоящем в Евразии. Вот несколько общих сведений о буром медведе, взятых их энциклопедии: «некогда бурый медведь (*ursus arctos*) был обычен по всей Европе, включая Англию и Ирландию, на юге его ареал достигал северо-запада Африки (горы Атласа), а на востоке через Сибирь и Китай доходил до Японии. В Северную Америку он, вероятно, попал около 40 млн. лет назад из Азии через Берингов пролив, и широко расселился в западной части континента от Аляски и до севера Мексики. Сейчас бурый медведь истреблен на большей части прежнего ареала» [Иванов, Топоров, 1982, с. 128—130].

В раннем железном веке даже в степной зоне Северного Причерноморья, по долинам больших (Дон, Северский Донец, Днепр, Южный Буг и др.) и малых рек, текущих обычно с севера на юг, лесные заросли (судя по современным палеогеографическим исследованиям) доходили вплоть до морского побережья (достаточно вспомнить лесные чащи Гилеи в устье Днепра — Борисфена). Что же говорить об обширных широколиственных лесах Днепро-Донской лесостепи, где еще до недавнего времени росли дубы-великаны со стволами более метра в диаметре. Естественно, здесь в изобилии водилось всевозможное зверье, в том числе и медведи. Например, их видели в окрестностях Воронежа еще в конце XVIII в. [Россия ..., 1902, с. 76].

Трудно себе представить, чтобы люди, обитавшие в этих местах в первом тысячелетии до н. э. и часто (вольно или невольно) сталкивавшиеся с самым крупным и опасным хищником Восточной Европы, как-то не отразили бы

образ медведя в своих верованиях, обрядах и искусстве.

Следует отказаться и от старых традиционных взглядов по поводу того, что медведь не мог жить в степи. Биолог В.С. Байгушева, работающая вместе с археологами на Нижнем Дону, свидетельствует, что кости медведя найдены на таких степных памятниках, как Саркел и Азак. «Наличие пойменных и байрачных лесов в низовьях Дона не исключает присутствие медведей, тем более, что всеядному зверю было что есть в этой области» [Байгушева, 2006, с. 350]. Это подтверждает и зоолог В.Г. Гептнер: «Медведи, несомненно, жили по уремам южнорусских рек...и степным балкам и камышам этой области. В низовьях Дона эти звери встречались еще в VIII — XII вв... Медведь экологически очень гибок и мог существовать не только при весьма незначительной растительности, как в Казахстане, но и по умерным лесам, в кустарниках по речным долинам, даже и в степи» [Гептнер, Слуцкий, 1972].

Развитый культ медведя существовал в древности даже на самой южной оконечности европейского континента — в Греции — и был тесно связан с богиней Артемидой. В ее честь устраивали пышные празднества, на которых приносили в жертву медведя. Жрицы Артемиды в особо торжественных случаях облачались в одежды из медвежьих шкур, а само имя Артемиды происходит от греческого слова «медведь» [Соколова, 2000, с. 129]. До сих пор существуют следы культа медведя и у далеких потомков скифов — осетин, живущих в горах Кавказа [Чибирев, 2008, с. 167 и сл.].

Таким образом, для прошлых эпох (в том числе и РЖВ) ассоциация «медведь — север — тайга» нуждается в серьезной корректировке. Этот бурый хищник жил практически по всей Евразии, что нашло свое отражение (но в самых различных формах) в искусстве, фольклоре и религиозных верованиях многих местных племен и народов [Иванов, Топоров, 1982, с. 128—130].

Заметно расширилось сегодня и фактическая база по интересующей нас проблеме: речь идет о новых археологических находках предметов, связанных с культом медведя в скифских курганах на Среднем и Нижнем Дону, а также в степных и лесостепных областях Приднепровья. Для того, чтобы успешно разобраться с «медвежьей» темой в пределах Скифии необходимо определить основные разновидности мотива медведя в скифо-сибирском искусстве, установить хронологические рамки их существования и подсчитать количество «медвежьих» предметов для каждой из областей их распространения.

Начнем с территории Скифии, степной и лесостепной.

Изображение медведя, в полном его виде, впервые представлено в скифских погребаль-

ных комплексах во второй половине VII в. до н. э. — в Келермесском кургане № 4 (Северо-западный Кавказ, Закубанье). Речь идет о серебряном с позолотой зеркале греко-восточного (ионийского) производства, на котором, среди различных богов, людей и животных, четко выделяется фигура идущего медведя. В центре всей композиции стоит крылатая богиня Кибела со львами в руках, очень напоминающая по своим функциям скифскую Аргимпасу — богиню плодородия животного и человеческого мира. Как считают специалисты, в данном случае греческий мастер ориентировался на запросы скифского заказчика [Алексеев, 2012, с. 108—113]. Но это Северный Кавказ, и архаический этап существования скифской культуры. Позднее, главный ее центр смещается в Северное Причерноморье.

Что же касается степной Скифии, то мотив встречен там в кургане V в. до н. э. Чабанцова Могила у г. Орджоникидзе Днепропетровской обл. В центральной гробнице (почти начисто ограбленной) были обнаружены фрагменты железного платинчатого панциря, кости животных от напуганной пищи, костяная рукоять ножа, бронзовый наконечник стрелы и *золотая обивка деревянной чаши* (курсив мой. — В. Г.) [Великая ..., 2002, с. 51]. На одной из пластин золотой обивки изображен стоящий во весь рост в профиль с опущенной вниз головой лесной хищник — медведь [Гончарова, 2001, с. 46, рис. 1; 2].

Головы медведя в фас четырежды изображены на кабаньем клыке из Киевского исторического музея (случайная находка на территории лесостепного Приднепровья) [Яковенко, 1969, с. 202, 203, рис. 1, 4]. Автор публикации этого предмета считает, что здесь представлен именно медведь в «жертвенной позе» [Яковенко, 1969, с. 203].

В боковой гробнице кургана Солоха (близ с. Великая Знаменка, Каменко-Днепровский район Запорожской области) с абсолютно целым захоронением скифского царя (дата 390—380 гг. до н. э. — см.: [Бидзиля, Полин, 2012, с. 515]) была найдена *золотая оковка деревянного сосуда* с ручкой в виде головы медведя [Алексеев, 2012, с. 147]. Публикуя этот предмет, А.Ю. Алексеев отметил, что «ручки в форме головы или фигур животных — относительно редкие находки в курганах европейской Скифии V—IV вв. до н. э., но встречаются также и за ее пределами. Не исключено, что подобные сосуды имеют восточное для Скифии происхождение» [Алексеев, 2012, с. 146].

Можно возразить здесь известному ученому: золотые обкладки деревянных культовых сосудов с ручками в виде фигур животных и птиц хотя и не так часто, но встречаются в погребениях скифской знати (возможно, их редкость во многом объясняется повальным ограблением скифских могил в древности). В Чабанцевой

Могила на золотой обкладке ручки деревянной чаши выбита штампом изображением стоящего в профиль медведя (полная аналогия этому предмету — золотая ручка с медведем из кургана № 1 группы Частые Курганы у г. Воронеж [Либеров, 1965, с. 95, табл. 28, 5]. В «царском Бердянском кургане», 380—370 гг. до н. э. (см.: [Бидзиля, Полин, 2012, с. 519]), также сильно пострадавшем от рук грабителей, найдена деревянная чаша с золотой оковкой по венчику и ручками в виде головы и хвоста хищной птицы [Чередниченко, Мурзин, 1996]. Похожий сосуд с золотой оковкой и ручкой в виде хищной птицы известен из кургана № 11/2 группы Частые Курганы [Либеров, 1965, с. 97, табл. 29, 4].

Не согласен я и с утверждением А.Ю. Алексеева о сходстве (на основе некоторых стилистических элементов в трактовке глаза и уха) головы-ручки медведя из Солохи с искусством Алтая. В V—IV вв. до н. э. в том регионе господствовала пазырыкская культура, и для ее обширнейшего bestiaria мотив медведя был практически неизвестен (см.: [Черемисин, 2008, с. 28—77]). А вот прямые и многочисленные аналогии солохскому «медвежьему» сосуду мы встречаем в савромато-сарматской культуре ираноязычных кочевников южного Приуралья — деревянных сосудах с золотыми обкладками и ручками в виде медведей в Филипповской «царском» кургане № 1 в Оренбургской области [Пшеничнюк, 2012, с. 102, рис. 14, 1—7; цвет. фото 5, с. 213, рис. 156, реконструкция].

В целом, в курганах Степной Скифии на протяжении V—IV вв. до н. э., несмотря на их повальное ограбление, деревянные культовые сосуды с золотыми обкладками, на которых методом штамповки выбиты изображения зверей, птиц и фантастических животных (грифонов), отнюдь не являются редкой находкой. Другое дело — образ медведя. Он встречается в местных археологических комплексах нечасто.

Преположение о существовании какой-то формы культа медведя не только в Лесостепной, но и в Степной Скифии совсем недавно получила дополнительное подтверждение после публикации материалов из раскопок элитного кургана Близнац-2 у Днепропетровска [Ромашко, Скорый, 2009, с. 68—69]. Курган относится к концу V в. до н. э. и был основательно ограблен и в древности, и в XIX в.

Ниже приведена длинная цитата с описанием новой «медвежьей» находки в захоронении знатного скифа-степняка: «Пять когтей бурого медведя, длина наибольшего из них 6,2 см, наименьшего 3,6 см. Напомним, что они были обнаружены во внутренней могильной яме, в заполнении, находясь рядом друг с другом. Находки медвежьих когтей в могилах скифской эпохи весьма немногочисленны и известны нам лишь в нескольких памятниках Лесостепи, в частности в гробнице № 2 кургана

Репяховатая Могила у с. Матусов в бассейне Тясмина (где шесть медвежьих когтей с просверленными круглыми отверстиями являлись уздечными украшениями), гробницы кургана № 2 Люботинского могильника в бассейне Северского Донца (где найден медвежий коготь, оправленный в золотую фольгу и имеющий сквозное отверстие для подвешивания, т. е. амулет), относящегося к концу VII — началу VI вв. до н. э., и в центральной могиле Большого Рыжановского кургана начала III века до н. э. в междуречье Гнилого и Горного Тикича (где четыре когтя располагались с трех сторон скелета знатного скифского воина). По-видимому, медвежьи когти в описанных случаях, как и зубы медведя, волка, а также собачьи и кабаньи клыки, которые довольно обычны в курганах скифского времени, в Днепропетровском лесостепном правобережье Киевщины, в меньшей степени известны в степной зоне Северного Причерноморья, верные и вполне однозначно трактуемые как амулеты-обереги, обладающие магической силой, следует интерпретировать аналогично. Очевидно, когти могучего зверя, каковым является медведь, должны были служить апотропеями, надежной защитой покойного от злых сил.

В нашем же случае, похоже, мы имеем иную, чрезвычайно интересную, а для скифских захоронений необычную ситуацию. Поскольку все пять когтей лежали ... компактно, рядом, а точнее, вместе (и это после ограбления захоронения!), мы вправе рассматривать их в качестве остатков *медвежьей лапы* (курсив мой — В. Г.).

Эта находка позволяет вспомнить группу бронзовых украшений конской узды — блях в виде «медвежьей лапы», получивших распространение в V в. до н. э., имевших как ряд иных изделий, оформленных в зверином стиле, и декорировавших узду, сакрально-магический характер. Заманчиво предположить, что в скифской среде в качестве амулетов-оберегов могли использоваться медвежьи лапы, послужившие прообразом для создания металлических амулетов-оберегов ...» [Ромашко, Скорый, 2009, с. 68—69].

Действительно, в курганных захоронениях V—IV вв. до н. э. в Лесостепной и (реже) в Степной Скифии встречаются бронзовые бляхи конской узды, оформленные, как считают одни исследователи, в виде кисти человеческой руки, а другие — в виде медвежьей лапы. Частично, видимо, правы обе стороны. Ошибиться в интерпретации здесь нетрудно: и медведь и человек имеют по пять пальцев на руке и лапе. А довольно грубая отливка подобных предметов в древности отнюдь не способствует проведению четкого различия. Правда, в нескольких очень редких случаях (при большом увеличении, через лупу) можно разглядеть даже ногти, то есть речь здесь явно идет о кисти человечес-

кой руки. Но чаще всего, такая «рука» выглядит именно как «медвежья лапа». Характерно, что в большинстве случаев, эта «лапа»-«рука» — правая. Подобные находки насчитываются сейчас на территории Лесостепной Скифии уже десятками (наиболее полную сводку см.: [Могилов, 2008, с. 322, рис. 103]). Интересно, что чаще всего окончания «пальцев» подобных «рук» заострены, и напоминают скорее когти медведя, нежели пальцы человеческой руки. О «медвежьей» трактовке таких блях писали А.А. Бобринский [Бобринский, 1905, с. 7] и С.В. Махортых [Махортых, 2006, с. 57—59].

Еще одной областью большой Скифии, ее самой северо-восточной частью является лесостепной Средний Дон, где «медвежья тема» представлена в местной культуре наиболее ярко и широко. В настоящее время в среднедонских курганах скифской эпохи найдено 8 металлических крючков-застежек, узкая (рабочая) часть которых оформлена в виде головы ушастого орлиноголового грифона с длинным изогнутым клювом, а на широкой пластине изображена фигура стоящего в профиль (в правую и левую стороны) с опущенной вниз головой с раскрытой зубастой пастью и большими когтистыми лапами медведя: 6 бронзовых, 1 серебряный и 1 железный с золотой обкладкой. Кроме найденных ранее трех экземпляров (бронзовый и железный с золотом — из Частых Курганов, курган № 11) и бронзовый — из кургана № 1 у с. Русская Тростянка [Гуляев, 1969, с. 112, рис. 1; 2], еще 3 экземпляра найдены недавно в могильнике у сел Терновое и Колбино в Воронежской области (курган № 4 у с. Терновое [Савченко, 2001, с. 62, рис. 7, 26]; курган № 17 у с. Колбино [Шевченко, 2009, с. 82, рис. 21, 1]; курган № 1 (9) у с. Колбино из раскопок П.Д. Либерава в 1971 г. [Савченко, 2001а, с. 155, рис. 2, 21]); одна бронзовая застежка из кургана № 38 у с. Староживотинное в 20 км к северу от г. Воронеж [Медведев, 2001, с. 13, рис. 4, 5]; бронзовый крючок с медведем из кургана № 6 у хут. Дубовой, в 75 км к югу от Воронежа [Березуцкий, 2006, с. 140, рис. 2, 4].

Совершенно аналогичные среднедонским бронзовые крючки-застежки с медведями и грифонами обнаружены в кургане у хутора Кащевка Ростовской области, Нижний Дон (2 экземпляра) [Максименко, 1983, с. 172, рис. 18, 14, 15]. Очень похожий по стилю бронзовый крючок с медведем случайно найден у с. Бажиган в Ставрополье [Крупнов, 1962, с. 154, рис. 17, 7]. Еще один бронзовый крючок-застежка с фигурой стоящего в профиль (в левую сторону) медведя случайно найден на городище Красный Курган Хомутовского района Курской области. Предмет поврежден: у него обломан округлый штырь, который должен был заканчиваться изогнутым клювом-крючком в виде головы ушастого орлиноголового грифона. Но фигура лесного хищника, со всеми ха-

рактными деталями, сохранилась довольно хорошо и полностью соответствует среднедонским образцам подобных «медвежьих» застежек [Шпилев, 2012, с. 169, рис. 3, 4].

Для среднедонской группы изображений медведя в металле характерны следующие черты: стоящая в профиль (вправо или влево) сторбленная фигура с опущенной вниз мордой и открытой зубастой пастью, с маленькими круглыми ушами, огромными когтистыми лапами. Плечевые мышцы часто отмечены спиральными завитками. Таких крючков-застежек (бронза, серебро, железо, обтянутое золотой фольгой) на Среднем Дону, как было сказано выше, найдено 8 экземпляров. Но есть и еще одна категория предметов с изображением стоящего «сторбленно» в профиль медведя с опущенной головой («поза пьющего медведя») со всеми теми стилистическими особенностями, что отмечены и для медвежьих образов на крючках — это серебряные и бронзовые бляхи-нащечники конской узды. В курганных комплексах Среднего Дона конца V — IV вв. до н. э. их известно 13 экземпляров [Савченко, 2009, с. 261].

Следует особо отметить, что блях конской узды с медведями, похожих на среднедонские образцы, в других областях скифо-сибирского мира до сих пор не обнаружено. Точно в такой же манере представлен стоящий влево в профиль медведь на золотой ручке деревянного культового сосуда из кургана № 1 группы Частых Курганов (раскопка ВУАК) [Либеров, 1965, с. 95, табл. 28, 5]. Есть и еще один медведь, правда, явно выпадающий по своим стилистическим особенностям из общей «медвежьей» группы, описанной выше. Речь идет о серебряном конском налобнике в виде круглой скульптурной фигуры медведя, стоящего в профиль на мощных когтистых лапах, и найденного археологами ВУАК в кургане № 8 группы Частые Курганы [Замятнин, 1946, с. 29, рис. 14, 3]. Если учесть еще четыре бронзовых крючка-застежки с фигурами медведей в среднедонской трактовке деталей — два крючка из кургана № 1 у хутора Кащеевка на Нижнем Дону и один крючок из Бажигана в Ставрополье, а также поврежденный бронзовый крючок с медведем из Курской области — то мы получим 25 металлических предметов с «медвежьим» образом в хорошо узнаваемом местном стиле.

Среди «медвежьих» образов особенно выделяется мотив медведя в «жертвенной позе»: голова в фас, лежащая на двух передних лапах. Именно такое положение — размещение медвежьей головы и его лап на деревянном помосте или на специальной площадке и пышные церемонии вокруг — один из кульминационных моментов «Медвежьего праздника», который практиковался у многих финно-угорских народов Урала и Сибири почти до конца XIX — начала XX вв. [Соколова, 2000, с. 122—127].

Долгое время считалось, что это и есть чисто финно-угорское изобретение, поскольку в конце ананьинской, и особенно в пьяноборскую эпохи подобные изображения (преимущественно в виде бронзовых блях) встречаются особенно часто (см. например Гляденовское костыще в Прикамье: [Синицын, 1901]). Две такие бляшки из бронзы известны с территории Ананьинского могильника VI—IV вв. до н. э. [Васильев, 2004, с. 281, рис. 6, 5, 6].

Поразительно другое: образ медведя в «жертвенной позе» представлен и в Скифии: золотая бляшка из кургана № 402 у с. Журовка, б. Чигиринского уезда, б. Киевской губернии в Приднепровской лесостепи, в комплексе V в. до н. э. [Бобринский, 1905, с. 20, рис. 50]; две бронзовые бляшки конской узды из кургана № 11 у с. Олефирщина на Полтавщине, в междуречье Ворсклы и Псла, и это тоже V в. до н. э. [Кулатова, Луговая, Супруненко, 1993, с. 23, рис. 9, 7, 8]; и, наконец, две бронзовые бляшки с изображением головы медведя в «жертвенной позе» найдены при случайных обстоятельствах в Крыму (одна — у с. Батальное на Керченском полуострове, другая — в юго-восточной части полуострова) — оба последних предмета, исходя из аналогий, датируются второй половиной V в. до н. э. [Скорый, Зимовец, 2014, с. 115, № 44/340 и № 44/341].

То, что «медвежья тема» в Крыму далеко не случайна, свидетельствует и обилие находок на Крымском полуострове бронзовых украшений конской узды в виде «медвежьих лап» [Скорый, Зимовец, 2014, с. 125—127, № 66—68/362—364 и др.], которыми так богаты скифские погребальные комплексы Приднепровской Лесостепи [Могилов, 2008, с. 322, рис. 103].

Любопытно и другое. В материалах скифского времени из курганов Среднего Дона нет ни одной находки бляшек с изображением медведя в «жертвенной позе», и практически отсутствуют бронзовые «медвежьи лапы». А ведь именно у этой области Скифии существовали наиболее тесные связи (торговые и культурные) с Прикамьем и Приуральем. Однако, в Приднепровской лесостепи и в Крыму такие находки есть, и они отнюдь, не единичны.

Возникает вопрос о путях проникновения в Скифию культурных влияний из финно-угорского мира, тем более, если обратить внимание и на хронологию: бронзовые бляшки с медведями в «жертвенной позе» в Прикамье впервые представлены в широких пределах VI—IV вв. до н. э., а расцвет их приходится на конец IV — III—II и более поздних вв. до н. э. В то же время, скифские находки подобного рода твердо датируются V в. до н. э.

Очевидно, что культ медведя существовал в древности у многих племен и народов Евразии, обитавших в самых разных природно-климатических зонах, но выражался он в разных формах и образах. Учитывая количество металли-

ческих предметов (крючки-застежки и бляхи конской узды) с мотивом медведя в определенной трактовке, можно считать, что в V—IV вв. до н. э. одним из важных локальных центров медвежьего культа был Средний Дон. Предположение на этот счет в самой общей форме было высказано Е.И. Савченко: «На Среднем Дону изображения медведя пользовались большой популярностью. Они встречаются на предметах конского (нащечники) и воинского (поясные крючки) снаряжения ... Вполне возможно, что у среднедонского населения существовал своеобразный культ этого животного ...» [Савченко, 2009, с. 257]. Совокупность изложенных выше фактов позволяет поставить данное предположение на более твердую почву.

Есть и прямые археологические свидетельства наличия почитания медведя у племен Среднедонской лесостепи, которые хорошо сочетаются с вышеназванными этнографическими данными. Так, в кургане № 36 у с. Колбино на Среднем Дону в коллективном погребении V в. до н. э. обнаружены отрубленные фрагменты верхней и нижней челюсти медведя, включая его клыки и резцы — то есть вся передняя часть морды зверя и его нос [Шевченко, 2009, с. 45—47, рис. 44, 1, 2].

Поразительно, что на Среднем Дону в V—IV вв. до н. э. бронзовая подвеска конской узды в виде «медвежьей лапы» встречена всего один раз — в кургане № 14 у с. Колбино IV в. до н. э. [Шевченко, 2009] — тогда как в остальных частях Приднепровской лесостепи и, реже, в степной Скифии такие «лапы» обычная находка. Но зато там нет ни одного металлического крючка-застежки с медведем и нащечных блях конской узды в виде стоящего (в профиль) зверя.

Итак, спустя более чем 40 лет после появления моей статьи зооморфных крючках, в которой я связал происхождение мотива медведя с ареалами ананьинской и савроматской культур [Гуляев, 1969, с. 112], мне представляется теперь точка зрения П.Д. Либерова, считавшего медвежьих образы на металлических украшениях конской сбруи и поясных крючках-застежках *среднедонским изобретением* (курсив мой — В. Г.), а у ананьинцев и савроматов подобные вещи (кстати, весьма редкие) появляются в результате культурного влияния населения лесостепного Подонья на своих северных и восточных соседей [Либеров, 1976, с. 141].

Алексеев А.Ю. Золото скифских царей в собрании Эрмитажа. — СПб., 2012. — 272 с.

Байгушева В.С. Орнитофауна и териофауна Приазовья по материалам археологических раскопок // Историко-археологические исследования в Азове на Нижнем Дону в 2005 г. — Азов, 2006. — Вып. 22. — С. 14—16.

Березуцкий В.Д. Курганы скифского времени у хут. Дубовой на Среднем Дону (раскопки 2004 г.) // Археологические памятники Восточной Европы. — Воронеж, 2006. — Вып. 12. — С. 138—147.

Бидзиля В.И., Полин С.В. Скифский царский курган Гайманова Могила. — К., 2012. — 752 с.

Бобринский А.А. Отчет о раскопках, произведенных в 1903 г. в Чигиринском уезде Киевской губернии // ИАК. — 1905. — Вып. 14. — С. 1—22.

Васильев С.Н. Ананьинский звериный стиль. Истоки, основные компоненты и развитие // Археологические вести. — 2004. — № 11. — С. 257—297.

Великая Скифия. — Запорожье; Киев, 2002. — 258 с.

Гелтнер В.Г., Слудский А.А. Млекопитающие СССР. — М., 1972. — Т. II, ч. 2. — 552 с.

Гончарова Л.Ю. Искусство Лесостепного Подонья и Европейской Скифии в IV — начале III вв. до н. э.: черты сходства и различия // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001. — Вып. 2. — С. 36—48.

Гуляев В.И. Зооморфные крючки скифского периода // МИА. — 1969. — № 151. — С. 109—127.

Замятнин С.Н. Скифский могильник «Частые Курганы» под Воронежем // СА. — 1946. — Т. 8. — С. 11—50.

Иванов В.В., Топоров В.Н. Медведь // Мифы народов мира. — М., 1982. — Т. 2. — С. 128—130.

Ильинская В.А. Современное состояние проблемы скифского звериного стиля // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 9—30.

Королькова Е.Ф. Звериный стиль Евразии. Искусство племен Нижнего Поволжья и Южного Приуралья в скифскую эпоху (VII—IV вв. до н. э.). — СПб., 2006. — 272 с.

Крупнов Е.И. Древняя история Северного Кавказа. — М., 1962. — 520 с.

Кулатова И.Н., Луговая Л.Н., Супруненко А.Б. Курганы скифского времени междуречья Ворсклы и Псла. — Москва; Полтава, 1993. — 108 с.

Либеров П.Д. Памятники скифского времени на Среднем Дону. — М., 1965. — 112 с. (САИ. — Вып. Д. 1—31).

Либеров П.Д. Локальные особенности звериного стиля среднедонской культуры и отражение связей с внешним миром // Скифо-сибирский звериный стиль в искусстве народов Евразии. — М., 1976. — С. 138—147.

Максименко В.Е. Савроматы и сарматы на Нижнем Дону. — Ростов-на-Дону, 1983. — 224 с.

Махортих С.В. Скифська вузда Перещепинського могильника // Більске городище та його округа (до 100-річчя початку польових досліджень). — К., 2006. — С. 57—76.

Медведев А.П. Раскопки Староживотинного могильника скифского времени // Верхнедонской археологический сборник. — Липецк, 2001. — Вып. 2. — С. 4—14.

Могилов О.Д. Спорядження коня скіфської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.

Переводчикова Е.В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. — М., 1994. — 210 с.

Пшеничнюк А.Х. Филипповка. Некрополь кочевой знати IV в. до н. э. на Южном Урале. — Уфа, 2012. — 280 с.

Ромашко В.А., Скорый С.А. Блинец-2 скифский аристократический курган в Днепропетровском Правобережном Надпорожье. — Днепропетровск, 2009. — 251 с.

Россия. Полное географическое описание нашего отечества. — СПб., 1902. — 423 с.

Савченко Е.И. Снаряжение коня скифского времени на Среднем Дону, как археологический источник // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. ДАЭ ИА РАН, 2004—2008 гг. — М., 2009. — С. 221—325.

Савченко Е.И. Могильник скифского времени Терновое I — Колбино I // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. ПАЭ ИА РАН, 1993—2000. — М., 2001. — С. 53—143.

Савченко Е.И. «Забытый» курган из раскопок П.Д. Либерова // РА. — 2001а. — № 4. — С. 153—161.

Скорый С.А., Зимовец Р.В. Скифские древности Крыма. — К., 2014. — 180 с.

Соколова З.П. Культ медведя // Археология, этнография, антропология Евразии. — Новосибирск, 2000. — № 2. — С. 41—62.

Спицын А.А. Гляденовское костыще // ЗРАО. — 1901. — Т. XII. — С. 228—269.

Чередніченко М.М., Мурзін В.Ю. Основні результати дослідження Бердянського кургану // Археологія. — 1996. — № 1. — С. 69—78.

Черемисин Д.В. Искусство звериного стиля в погребальных комплексах рядового населения пазырьской культуры: семантика звериных образов в контексте погребального обряда. — Новосибирск, 2008. — 135 с.

Шевченко А.А. Новые материалы к изучению курганного могильника скифского времени Колбино I на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: Тр. ДАЭ ИА РАН, 2004—2008 гг. — М., 2009. — С. 26—111.

Шпилев А.Г. Зооморфные украшения скифского времени из Курской области // МИАДЛ. — Курск, 2012. — Вып. IV. — С. 147—158.

Яковенко Э.В. Клык с зооморфными изображениями // СА. — 1969. — № 4. — С. 200—207.

V. I. Gulyaev

МОТИВ ВЕДМЕДЯ У СКИФСЬКОМУ ЗВІРИНОМУ СТИЛІ

Незважаючи на постійну увагу скіфологів до проблем скіфського звіриного стилю, багато питань цієї складної теми поки що не знаходять в спеціальній літературі відповідного вирішення. До кола таких питань належить і мотив ведмедя у мистецтві Скіфії. У статті наводяться всі наявні на даний час факти, які доводять помітне місце бурого хижака в скіфському бестіарії в лісостепових і, меншою мірою), степових областях Східної Європи.

Ключові слова: південь Східної Європи, звіриний стиль, скіфський час.

V. I. Gulyaev

THE MOTIVE OF A BEAR IN THE SCYTHIAN ANIMAL STYLE

This article dedicates to rather rare theme in the Scythian art — the motive of bear. The modern data is proving the existence of the bear cult among the Scythians at the forest-steppe and steppe regions of the Eastern Europe.

Keywords: South of the Eastern Europe, animal style, Scythian time.

Одержано 05.04.2016